

МЕТОД
МЕНШИКИ
ИНТЕКТИВ
ГАЛИИ
РОМАНОВОЙ

Читайте захватывающие детективные мелодрамы Галины Романовой:

- Расплата за наивность
Встретимся в другой жизни
Я – его алиби
Девушка с секретом
Блудница поневоле
Неплохо для покойника
Стервами не рождаются!
Дожить до утра
Крестный папа
Ничто не вечно под луной
Миллион причин умереть
Рыжая-бесстыжая
Охотники до чужих денег
Мужей много не бывает
Ты у него одна
Любитель сладких девочек
Игры в личную жизнь
Черт из тихого омута
Обмани меня красиво
Старая тайна, новый негодяй
Миллионерша поневоле
Внимание: неверный муж!
В любви брода нет
Последняя ночь с принцем
Осколки ледяной души
Счастье по собственному желанию
Любвеобильный джек-пот
Длинная тень греха
Личное дело соблазнительницы
Большие проблемы маленькой блондинки
Красотка печального образа
Ночь с роскошной изменницей
Окно в Париж для двоих
Лицензия на happy end
Черная корона
Рыцарь чужой мечты
Демон искушения
Грешница в шампанском
Принцип Отелло
Исполнительница темных желаний
Жизнь нежна
Мода на чужих мужей
Пока смерть не разлучит нас
Завтра не наступит никогда
Пять минут между жизнью и смертью
Любовь окрыляет
Единственная моя
С первого взгляда
Второй подарок судьбы
Зеленые глаза викинга
Тайна, приносящая смерть
Цвет мести – алый
- Не доставайся никому!
Чужая жена — потемки!
Возвращаться – плохая примета
Врачебная тайна
Призрак другой женщины
Тайну хранит звезда
Семь лепестков зла
Свидание на небесах
Ведьма отмщения
Программа защиты любовниц
Кинжал в постели
Гнев влюбленной женщины
Лучший день в году
Нирвана для чудовища
Незнакомка с тысячью лиц
Последнее прибежище негодяя
Счастье с третьей попытки
Подвенечный саван
Заклятие счастья
Торговка счастьем
Амур с оптической винтовкой
Месть Спящей красавицы
Демон ревности
Преступно счастливая
Изменица поневоле
Закон сильной женщины
Без вины преступница
Пленная птица счастья
Ничего личного, кроме боли
Заговор обреченных
Узнай меня
Заповедник потерянных душ
Ангел мщения
Первый шаг к пропасти
Вкус запретного плода
Исповедь обманутой жены
Свидетельницы зла
Королева отшельников
Игры небожителей
Грех с ароматом полыни
Кукла-любовь
Позови ее по имени
К северу от любви
Пепел прошлого
Без крестной феи
Псевдоним украденной жизни
Цена откровения
Конец игры с продолжением
Шоу семейных секретов
В интересах личного дела
Правда персонального формата
Простить нельзя помиловать

ГАЛИНА РОМАНОВА
КОНЕЦ ИГРЫ
С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *К. Гусарева*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Конец игры с продолжением : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-171486-4

Подполковник полиции Егор Степанов неожиданно для себя стал отцом: его случайная любовница родила девочку. Но ему не до ребенка, у Егора большие проблемы: он узнал новость о рождении дочери в аэропорту и не сел в самолет, который позже потерпел катастрофу... Теперь родственники погибших пассажиров обвиняют Степанова в том, что он каким-то образом виновен в аварии. Их вдохновляет интриган Шныров, скользкий, неприятный тип, которому помогают библиотекарь Ольга и пожилая чета Власовых. Они готовы пойти на все, чтобы уничтожить Степанова, даже на самые крайние меры...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-171486-4

ШАБА 1

Рябая от дождя стеклянная стена аэропорта не позволяла рассмотреть, что происходит на улице. Он щурился, часто моргал, но так и не мог рассмотреть и сосчитать, сколько самолетов готовят сейчас к посадке. Ничего, кроме размытых силуэтов стальных птиц и проблесковых огней, ломаными линиями тянущихся за спецтехникой.

Может, это не дождь виноват, а алкоголь? Он пьет уже второй час, не вставая с места, и ему все это время кажется, что алкоголь на него не действует. Не подавляет гнев, не возбуждает желание встать, поднять с пола ручную кладь и пойти уже, да — пойти к выходу с двузначным номером, где очередь становилась все жиже.

Он скосил взгляд на кожаную сумку, брошенную им у ножек соседнего стула. Дорогая, с ремнями, множеством кармашков на молниях и заклепках. Он сам сделал однажды подарок, путешествуя по Испании. Просто решил себя побаловать, раз больше некому. Выбрал, купил и сразу сложил в нее все свои вещи, а их в путешествиях было всегда мало. Прямо как сейчас. Смена белья, шорты, фут-

болка, резиновые тапки. Сумочка с бритвенными принадлежностями, зубная щетка, паста, мыло, дезодорант и туалетная вода. Все это легко помещалось в его сумке. И даже оставалось еще свободное место, чтобы положить туда виски в бутылке из-под кока-колы.

Он не был алкоголиком, нет. Просто очень боялся летать на трезвую голову. Предпочитал тревожное забытие нервному созерцанию плотной облачности через иллюминатор. И немного даже завидовал тем, кто в полете не отрывал восторженного взгляда от красоты небес. И вообще всегда старался найти альтернативный путь передвижения.

Всегда, но не сегодня. Сегодня к вечеру он должен оказаться в городе, в котором вот-вот родится его ребенок. Он обещал, что прилетит. Он обещал ей. И самому себе. Ребенок был ни при чем. Он не отвечал за их глупости.

Да, ребенок не нес ответственности за их скоропалительный курортный роман. За слезное расставание и кучу обещаний. За трезвые мысли, набросившиеся на мозг голодными псами по возвращении. За каторжную работу, не оставлявшую времени на долгие ночные разговоры о будущем. Он входил в квартиру, не всегда успевая разуться, падал на диван и засыпал мгновенно, как умирал. Уже утром принимал душ, чистил зубы, готовил себе завтрак. И уже утром сожалел, что ночью так и не смог поговорить с ней долго и проникновенно.

Самое скверное заключалось в том, что в этих разговорах не было ничего такого. Она не давила, не требовала, ничего не хотела от него. Просто слушала его голос и просила рассказать еще что-нибудь

• *Конец игры с продолжением* •

интересное. Доходило даже до стихов, которые он вспоминал с большим трудом. И странно: когда он видел, что она звонит, то раздражался. А поговорив с ней, ловил себя на мысли, что испытывает ощущение легкости и удивительного спокойствия. Словно ледяной воды напился в жаркий полдень.

Так продолжалось до недавнего времени. Точнее, до того момента, как она призналась, что примерно через три недели у нее родится ребенок. Его ребенок! И он должен, непременно должен прилететь, чтобы поддержать ее, чтобы быть рядом.

В первую минуту он опешил так, что буквально потерял способность говорить. Потом перепугался. А следом разозлился с такой силой, что принялся ее допрашивать.

— Почему ты говоришь мне об этом именно теперь?

— Так получилось... — не ответила, а шепнула она.

— Так получилось? Как — так получилось? Ты только сейчас узнала, что я отец твоего ребенка?

— Нет.

— Что — нет?!

У него темнело в глазах от праведного гнева и первобытного страха перед неизбежным. Он не готов! Он не хочет! Он не просил, черт побери!

— Я всегда знала, что ты его отец, — кажется, она всхлипнула. — Без вариантов.

— Почему молчала?

— Обстоятельства...

— Какие обстоятельства могли заставить тебя молчать, Ирина?! — взревел он на беременную женщину, готовую вот-вот родить.

Идиот! Конечно, это было неправильно — так
орать.

— Обстоятельства заставили меня заговорить,
Егор.

— В смысле?

Он как раз стоял со стаканом в руке перед
раковиной в кухне. Хотел воды попить. Он мог
позволить себе пить воду из-под крана: фильтр
установил высшей категории еще в прошлом году.
Как раз перед отпуском, перед знакомством с ней.

— В каком смысле — обстоятельства заставили
тебя заговорить? — Он вдруг понял, что наливает
воду из горячего крана, взбесился и швырнул ста-
кан в раковину. — Объяснись, Ирина!

— Я тебе все расскажу, когда прилетишь, Егор.
По телефону не могу...

«Это одна из форм манипуляций, — объяснил
ему психолог в отделе. — Держать тебя в состо-
янии ожидания, неизвестности. Она просто мани-
пулирует тобой, не более...»

Он решил не поддаваться ни на какие уговоры
и на очередной ее звонок не ответил. Потом все
же не выдержал и перезвонил сам. Трубку взял
кто-то посторонний.

— Добрый день. Мне нужна Ирина.

Он закатил глаза, представив агрессивно на-
строенную мамашу. Дочь отошла куда-то, и та,
пользуясь моментом...

— Ирина на процедурах, — ответила незнако-
мая женщина.

— На каких процедурах?

В памяти всплыл рекламный ролик для буду-
щих родителей, в котором они делали совместные

• *Конец игры с продолжением* •

гимнастические упражнения для постановки дыхания и чего-то там еще.

Ключевое слово — совместные. Ирина там была одна. Или нет? Все же нашелся еще один отец, который поближе и поговорчивее?

— Ей ставят уколы, — прервала молчание женщина.

— Уколы? Какие уколы? — встряхнулся он.

— Те, что прописал ее лечащий врач.

— Ирина больна?

— Ирина три последних месяца лежит на сохранении, молодой человек. И сейчас находится здесь же, в больнице. Ждет дня родов, чтобы чего-нибудь не произошло. — Кажется, женщина начала терять терпение, объясняясь с ним по чужому телефону.

— А вы ей кто? — задал он резонный вопрос.

— А я ей соседка по палате, уже две недели. И вы Егор, правильно?

— Так точно.

— Так вот, Егор, она сама никогда вам не скажет. А я скажу...

Тут послышались какие-то посторонние голоса. Видимо, в палату кто-то вошел и принялся говорить ей что-то строго и властно. Врач, понял Егор. После того как хлопнула дверь, стало тихо.

— Вы еще здесь? — окликнула его женщина.

— Да.

— Так вот, Егор, на самом деле с Ириной не все хорошо. Ей запретили рожать категорически. А она... — Последовала пауза, в течение которой женщина трижды охнула и один раз протяжно застонала. — Простите, но, кажется, у меня начинается... Я буду вызывать персонал. А вы... будьте

к Ирине внимательнее. У нее никого, кроме вас, нет. Поддержите ее...

Связь оборвалась, а он глубоко задумался. И думал достаточно долго. Почти две недели. Потом все же позвонил, извинился и спросил, что стало с ее матерью, которая — он точно знал — у нее была.

— Она умерла. Недавно. Сердце, — ответила женщина, которую он не очень уж всерьез воспринял на отдыхе и которая вот-вот должна была подарить ему наследника. Или наследницу. Он так и не уточнил.

— Что с тобой? Как твоё здоровье? Твоя соседка по палате тут наговорила мне всего.

— Я знаю. Она призналась мне.

— Что за проблемы? Почему ты вынуждена лежать в больнице три месяца? И почему тебе не разрешали рожать?

Черт, эти вещи он должен был о ней знать! Они же так подолгу говорили. Он даже стихи ей читал.

— У меня тоже больное сердце, как и у мамы. Это наследственное. И я... Я могу умереть прямо во время родов, Егор. — Она легонько всхлипнула. — И тогда наш ребенок, наша девочка, останется совсем одна. Ее отдадут в дом малютки. Я не могу даже думать об этом без слез. Ты приедешь?

— Да, — ответил он твердо.

— Я сообщу тебе. Они будут делать операцию, чтобы не подвергать нас обеих опасности. Я сообщу тебе, когда это будет...

Он посмотрел на зареванную стену аэропорта. Сумасшедший дождь залил всю взлетную полосу, и пару рейсов уже отменили. А ему надо вылетать уже очень скоро. В очереди на посадку осталось

• *Конец игры с продолжением* •

всего три человека. Нельзя, чтобы и его рейс отменили. Сегодня вечером он станет отцом маленькой девочки. И он должен быть там.

Слегка качнувшись, он поднялся. Взял кожаную сумку и пошагал к нужному выходу. До него оставалось метра три, может, меньше, когда телефон зазвонил. Ирина! Это была она!

— Да. Я уже у трапа самолета. Вылетаю, — скороговоркой, не вполне внятной, произнес Егор, делая знак сотруднице аэропорта подождать.

— Это очень хорошо, что вы вылетаете, — проговорил незнакомый мужчина. — Вам нужно быть здесь в течение пяти дней, чтобы определиться с судьбой вашего ребенка.

— Это мы будем решать с ее матерью, не с вами, — неожиданно протрезвел он от неожиданного заявления.

Внутри все сжалось, подкатила тошнота. Не от выпитого — нет. От противных слов противного незнакомою мужика.

— Сожалею, но Ирина Владимировна уже не сможет больше ничего решить. Она умерла два часа назад на операционном столе. А девочка родилась, и она здорова. К счастью, она унаследовала ваше здоровье, а не матери. Сожалею... — Мужчина из Ирининою телефона помолчал и спросил: — Так вы прилетите? Вас ждать?

— Да. Прилечу.

Он оглянулся на столик, который занимал только что. На нем еще стоял бокал с виски. Недопитый им бокал. И его никто не спешил убрать.

— Я прилечу. — Он повернул обратно, добавив: — Но не сегодня...

ЧАБА 2

— Вы должны меня понять! — с обидой и слезами воскликнул мужчина, сидевший перед капитаном Артамошиным.

— Я вас понимаю, — сдержанно ответил тот и даже кивнул для пущей убедительности. — И еще как!

— У вас тоже погибла семья в авиакатастрофе?! — Мужчина вытаращил на него выцветшие от слез глаза. — Простите, не знал.

— Простите, но вы меня неправильно поняли. — Артамошин потер ладонями лицо, чтобы раздраженный взгляд не просочился, не оскорбил убитого горем человека. — На самом деле у меня нет семьи. Я никогда не был женат. Просто я могу представить, каково вам. Вы испытали шок. И...

— Шок?! Вы это называете шоком?! — Мужчина посмотрел на него как на дефективного — с жалостью и скорбью. — Не дай вам бог испытать то, что испытал я! Что испытали все родственники пассажиров рейса, который...

Он громко всхлипнул, достал из затертого кармана льняных штанов большой носовой платок, закрыл им лицо и заплакал.

Артамошин терпеливо ждал. Он вынужден был терпеть, потому что глубоко сочувствовал им всем. Он не имел права вести себя как-то иначе из чисто человеческих соображений. И еще у него был приказ — проявлять лояльность. Ему даже для этих целей выделили отдельный кабинет, и уже почти год он общался с родственниками.

• *Конец игры с продолжением* •

С каждым днем желающих найти виновных становилось все меньше. Они переставали приходить. Отчаялись. Смирились. Согласились с заключением экспертной комиссии: крушение лайнера произошло из-за технических неполадок.

— Взрыва на борту не было, Иван Семенович, — проговорил Артамошин, когда огромный платок был скомкан и убран в карман мужчины. — Никакого вмешательства извне! Сбой в работе системы. Несчастный случай. Никакого злого умысла.

— Да, да, да... Мне уже говорили. Да, да, да... — Он часто закивал. — Но за это тоже кто-то должен понести наказание!

— Абсолютно с вами согласен. Комиссия специалистов разбирается в причинах неполадок, приведших к катастрофе. Как только ими будет сделано окончательное заключение, дело передадут в соответствующие инстанции. Состоится следствие. Виновные будут наказаны.

— Да, да, да...

Пробормотав это, он замолчал. Посидел минуту, не двигаясь, потом вздрогнул и глянул на Артамошина так, будто только что прозрел.

— Я понял! Я понял, к чему вы ведете! — Он замотал указательным пальцем у себя перед носом. — Вы сейчас пытаетесь оградить своего коллегу от подозрений, усыпить мою бдительность, свалить все на безмолвное железо. А он... Он останется незапятнанным. Понятно: честь мундира. Вы с ним на одном поле и все такое... Но я докажу, что это он! Докажу! Чего бы мне это ни стоило. Ему не удастся уйти от правосудия. Я достану его. Я всю свою жизнь положу на то, чтобы достать его. Знаете почему?

Артамошин послушно спросил:

— Почему?

— Потому что жизни у меня больше нет...

Он ушел, осторожно закрыв за собой дверь. В первые дни он громко ею хлопал и открывал пинком. Ему это прощалось.

Минут пять Артамошин сидел, прикрыв глаза ладонью. Потом он потянулся к внутреннему телефону и позвонил.

— Это последний на сегодня. Заходи, — произнес он в трубку.

Егор вошел через три минуты, сел на тот же самый стул, на котором только что ежился от внутренней боли Иван Семенович Шныров, и посмотрел на Артамошина.

— По-прежнему считает меня виновным?

— Да. Думает, это ты что-то такое сотворил, подбросил в багаж и не полетел.

— У меня не было багажа.

— Знаю. Я-то знаю! — воскликнул капитан, роняя руки на стол. — Докажи ему попробуй! Где-то высмотрел аналогичные случаи. И теперь выносит мне мозг, выедаёт душу. Он болен, понимаешь! По-настоящему болен.

— Понимаю. Как не понять! — Егор вытянул ноги, скрестил на животе пальцы, качнул головой. — Лучше бы я улетел тогда, а не остался в кафе надираться.

— Идиот, — ворчливо отозвался Артамошин. — А о Машке ты подумал, делая такие вот заявления? Что бы с ней стало теперь? Дом малютки, потом детский дом. Сиротство, и никаких надежд на

• *Конец игры с продолжением* •

то, что найдутся какие-то родственники. У Ирины никого не было. У тебя никого нет.

— У Ирины осталась троюродная сестра.

— И что? Она не готова была ее удочерять. Сама тебе призналась.

— Призналась. Но помогает же мне! Не знаю, что бы делал без нее. Все на ней.

— Да, да, она помогает, но за деньги, Егор! Ты нанял ее, как квалифицированную няньку. Платишь хорошо. Вот она и помогает. А за просто так вряд ли бы она стала взваливать на себя такую ответственность. Так что Машка твоя все же счастливая. В один день потерять и мать, и отца — это было бы слишком.

— Расскажи Ивану Семеновичу Шнырову. А также Ольге Витальевне Авдеевой и старикам Власовым. Сколько их еще осталось — непримиримых, уверенных в моей виновности?

— Пожалуй, и все, — почесал в макушке капитан. — Всех остальных мне удалось убедить, ознакомив с предварительным заключением комиссии. А эти стоят намертво: ты террорист.

— Твою мать, а! — печально фыркнул Егор. — Я мать своего ребенка в тот день потерял. Это как? Как ими воспринимается?

— Им уже известно, Егор, что ты не жил с ней.

— Да ладно! — Он резко сел ровно и недоуменно заморгал. — Что значит — известно?

— И не только это. Они много чего о тебе накопили. И об Ирине тоже. Чую, досье на тебя собрано приличное.

— Вот как? — Егор поднялся и заходил по кабинету, специально выделенному Артамошину для общения с пострадавшими. — И что конкретно ты чувствуешь?

Он встал лицом к окну, уставился на клумбу, заливаемую дождем, и с грустью подумал, что Машка снова сегодня пропустит прогулку. И надо было, все же надо было соглашаться на аренду загородного дачного дома! Вика настаивала. Утверждала, что им с девочкой там будет лучше. Всегда на свежем воздухе, даже в дождь, поскольку дом был с большой верандой. Соседи держали живность, и еда была бы экологически чистой, а ребенка, и так искусственно выкормленному, это как раз кстати.

Он обещал подумать и все оттягивал решение. Риелтор звонил Вике уже несколько раз, просил ускориться с решением. Она умоляла пока не сдавать дом другим желающим.

Может, и стоило арендовать его? И не так далеко от города. Он мог бы каждый вечер ездить к ним ночевать. Да, на дорогу уйдет времени в разы больше. Но Машке загородная жизнь только на пользу.

— Я чувю, эта оппозиция отыскала информацию о том давнем деле с погибшим подростком.

— И что? — Егор почувствовал, как кровь отхлынула от лица, — это воспоминание всегда было болезненным. — Было долгое разбирательство, суд, в конце концов. Меня признали невиновным, восстановили в должности. Что с того, если они это подняли?

— А то, что она теперь не одна. У нее будет целая толпа единомышленников.

• *Конец игры с продолжением* •

— Соучастников, сказал бы я, — жестко перебил его Егор. — Она очень долго вела на меня охоту. Забыл? Я мог бы засадить ее за целый ряд покушений на меня.

— Ты ее простили, — напомнил Артамошин.

— Пять раз! — фыркнул Егор. — Я простили ей пять эпизодов. А мог бы...

— Но не стал же. — Артамошин пожал плечами. — Ты ее простили. А она тебя — нет. Возможно... И теперь они ее найдут. И она — сто процентов — будет с ними в сговоре. Теперь ей станет проще тебе отомстить. Пусть даже их руками. Она ведь знает о тебе все-все-все! Все твои привычки и маршруты. Они ведь не поменялись за пять лет, нет?

Егор промолчал. Как он мог поменять маршрут, если он всегда был одним: дом, работа, дом, работа. Ну, еще по пути в ближайший супермаркет за продуктами. Теперь вот еще аптека прибавилась, потому что появилась Машка. Где он должен был тогда петлять? Ездить в окружную, простаивая в многокилометровых пробках? В угоду непримиримой мстительнице, свихнувшейся после смерти брата?

— Я не был виноват в том, что она плохо приглядывала за мальчишкой. В том, что он отстреливался из автомата по полицейским.

— Ты же знаешь, что он не стрелял, — укорил его Артамошин.

— Автомат был в его руках, — возразил Егор. — И все, кто был рядом со мной, это видели.

— Но он не стрелял. У него даже не было патронов. За него стрелял кто-то еще. Тот, кому удалось скрыться с места преступления. Ты действовал по инструкции, да. И я бы поступил так же. Но...

Лилина РОМАНОВА

— Что «но»? — Он повернулся к Артамошину.

— Ей было плевать тогда на все наши уставы и правила. Она потеряла единственного родного человека. И не простила. Теперь у меня болит душа за тебя, дружнице! Их стало слишком много. Слишком. — Артамошин мрачно глянул. — Тех, кто жаждет твоей крови.

ШАБА 3

Прыжок, мах ногой, два последовательных удара руками: левой-правой. Уклон влево-вправо, прыжок. Присед, руки в упор в пол, ноги выбросом назад. Резкий подъем, прыжок, мах ногой...

Сердце колотилось в горле, пот заливал глаза, виски давило, но она продолжала тренировку.

— Александра! — громко окликнули ее от входа в зал. — К тебе пришли.

Она не ответила, зная, кто это. Больше никому. Это сто процентов группа несогласных с заключением экспертов по авиакатастрофе, случившейся год назад.

Ей было жаль этих несчастных, но она ничем не могла им помочь. Возвращением с того света она не занималась. Чем угодно, но только не этим! Иначе Ванька был бы с ней здесь, рядом. Занимался бы спортом, общественно-полезным трудом, рос нормальным, крепким, без асоциальных привычек, приведших к трагедии.

Так сказал ей психолог, которого она посещала почти принудительно. Чтобы не попасть в тюрьму за свои выходки, подстегнутые местью.

• *Конец игры с продолжением* •

Это было ЕГО требование.

— Не хочу, чтобы ты ушла следом за своим братом...

Так он ей сказал, и она пошла к психологу. Доктор постепенно, шаг за шагом, вернул ей желание жить. Правильно жить. Как не жил никогда ее беспутный брат. Как не жила она после его гибели.

А потом явились эти. Сначала они приезжали только затем, чтобы раздобыть сведения о НЕМ.

— Никто, кроме вас, не знает его лучше, — проникновенно глядя в глаза, льстила ей молодая женщина с азартно горевшими глазами. — Вы изучали его привычки. Знаете, что он любит, где и когда.

Она вдруг перепугалась и принялась мямлить, что все давно забыла. И смысла нет ни в чем, в мести особенно.

— А мы не собираемся ему мстить, — торопливо опровергла ее догадки женщина. — Мы просто будем наблюдать за ним и ждать.

— Чего? — поинтересовалась Саша.

— Того, когда он оступится...

Она их мягко выпроводила, не сказав ни слова. Они приехали потом еще, и еще, и еще раз. Один из них — с вкрадчивым взглядом и некрасивой, на ее взгляд, фамилией Шныров — оказался весьма обеспеченным человеком. С какой-то блажи он сблизился с руководством их спортивного лагеря и принялся спонсировать его деньгами. И месяца полтора-два назад один из руководителей вызвал ее к себе и очень неприятно с ней разговаривал.

— Александра, ты должна, понимаешь, должна быть с ним вежливой!

Лилина РОМАНОВА

— Я ему не грубила, — изумленно округлила она глаза.

— Дай ему то, что он хочет! — повысил голос руководитель.

— В смысле?

— Он ведь что-то от тебя требует. Так?

— Допустим.

— Так дай ему это, слышишь! Этот Шныров уже неплохо вложился и обещал еще и с оборудованием для кухни помочь. А у нас там плиты с прошлого века стоят. Тебе ли не знать! Помоги ему.

— Хорошо...

Она пообещала и забыла. А Шныров явился и потребовал. Пришлось ему что-то рассказать о ЕГО привычках. Вкратце.

— Говорите, любит в выходной день посидеть на озере и посмотреть на воду? — переспросил он.

— Да. Любит. Может просидеть часа полтора, не двигаясь.

— И лицо его при этом?.. — Шныров глянул вопросительно.

— Что — лицо? — не поняла его взгляда Саша.

— Что выражает? Скорбь, радость, равнодушные? Каким бывает в такие минуты его лицо?

Его лицо, когда он сидел у озера, превращалось в маску, сказала бы она. Маску смерти. Мускулы расслаблялись, уголки рта провисали, глаза были полуприкрыты. И — да, он тосковал в такие моменты. Точно тосковал. О причинах можно было только догадываться.

— Равнодушным. Обычным. Расслабленным, — соврала она Шнырову.

• *Конец игры с продолжением* •

— Медитирует, значит, — с плохо скрытой ненавистью пробормотал он.

— Возможно. У вас все?

Она старалась быть вежливой и предупредительной. Но мужик ее просто достал, и она соскочила с места, чтобы уйти. Он ринулся за ней следом и проводил до самого домика, где у нее была отдельная комната с ванной и крохотной кухней. Как спортивный инструктор она пользовалась такой привилегией.

Шныров в тот день не отставал ни на шаг. В ее комнату ввалился без приглашения и долго рассказывал о своей семье, погибшей по вине подполковника Степанова.

— Это он! Я уверен! Он виноват! Они бы никогда... Они были бы со мной, если бы не он!

Саша его почти не слушала. Она поставила на плиту кастрюльку, чтобы сварить себе гречневую кашу. В общую столовую она ходила крайне редко. Предпочитала питаться у себя.

— Кофе не предложите? — вдруг шумно задыхался ей в затылок Шныров.

Она резко обернулась и поймала его «тот самый взгляд». Она догадалась, о чем он думал, когда торчал за ее спиной, и поспешила его выпроводить.

— Я еще вернусь, — пообещал он, сходя с деревянных ступенек домика. — Мы еще вернемся...

Он не соврал. Они еще приезжали. И по очереди, и все сразу. Пытались ее разговорить. Склонить на свою сторону.

— Мы с вами в одной лодке, Сашенька, — подслеповато щурился в ее сторону старик Власов. — Мы единомышленники. Он, и никто другой, вино-

вен в гибели наших близких. И вашего брата тоже. Разве вы простили его? Простили?..

ЕГО — да. Себя — нет. Она не имела права оставлять брата так надолго одного. Не имела права совершать бесконечные походы и восхождения в горы, оставляя его на попечение соседей.

Она виновата в его падении. Она виновата в его гибели.

А ОН лишь нажал на спусковой крючок.

— Что вы от меня хотите? — спросила она напрямую в тот день, когда они приехали всем скопом.

— Мы хотим, чтобы вы стали нашим... — Шныров пожевал губами, подыскивая нужные слова, и закончил, не придумав ничего лучше: — Ору-жием!

— Убийцей? Вы хотите моими руками с ним расправиться? — уточнила она.

И минуту наблюдала, как гости настороженно переглядываются.

— Типа того, — прямо ответила Ольга Витальевна Авдеева. — Никто из нас не владеет боевыми искусствами и оружие в руках держать не может. Да и физическая подготовка не на высоте. А вы...

— А я сейчас возьму и заявлю на вас в полицию, — прервала она ее проникновенную речь. — Как вам такой расклад?

Повисла пауза: отвратительная, опасная. Старики Власовы опустили головы. Библиотекарь Авдеева сердито таращилась на нее — лицо красное, губы нервно дергаются. И лишь Шныров сохранил спокойствие.

— А никак, — ухмыльнулся он гадко. — Ваше слово против нашего? Нас четверо, вы одна. Кто вам поверит? К тому же, Сашенька, мы явились

• *Конец игры с продолжением* •

к вам подготовленными. Знали, голубушка, знали, что голыми руками вас не взять! И вот что мы привезли вам в подарок.

Он швырнул на ее обеденный стол плотный большой конверт из коричневой бумаги.

— Сейчас не надо его распечатывать. Посмотрите потом и примете решение. Сообщите нам...

Они уехали. Она распечатала конверт и в бесильном бешенстве полчаса металась по комнате.

— Суки! Сволочи! Ненавижу!..

Шныров позвонил ей через три дня и спросил:

— Так вы с нами или против нас?

Саша молчала.

— У вас на раздумье не так много времени, Саша. Прошел год с момента катастрофы, а власти не чешутся привлечь виновных к ответу. Суют нам в нос бумаги с размытыми техническими формулировками, и только. Хотя все знают, кто истинный виновник. Но... — Он помолчал. — Так что скажете? Какое вы примете решение?

Она прервала связь и выключила телефон. Ответа у нее не было. Больше они не звонили и не приезжали. Саша затихла, ожидая новых пакостей. Изнуряла себя тренировками, на людях почти не показывалась. Только в рамках своей тренерской деятельности, и все. Никаких танцев, никаких посиделок с чаем по вечерам. В какой-то момент она даже поверила, что все утряслось само собой, они от нее отстали. Но вдруг сегодня снова.

— Александра! Ты оглохла, что ли? — Старший тренер махнул в сторону двери полотенцем, сдернутым с шеи. — К тебе пришли. Не заставляй людей ждать.

Людей! Значит, снова явились все вместе. Достали!

Она подошла к скамейке, где лежала ее спортивная сумка. Вытащила бутылку воды, отпила почти половину. Вытерлась полотенцем. Взяла в руки телефон, настроила диктофон. Сунула его в специальный чехол на предплечье, наушники повесила на шею, как будто она тренировалась под музыку, а теперь сделала паузу. И пошла к выходу из зала.

Они не возьмут ее голыми руками. Черта с два! Она не позволит вовлечь себя в страшное преступление только из-за того, что у них откуда-то появились фотографии ее невинных шалостей.

— Кто меня спрашивал? — громко окликнула она, выходя в гулкий широкий коридор. — Эй, где вы?

Из-за колонны перед стендом с достижениями их спортивной группы вышел человек, и она от неожиданности попятилась.

Это был не Шныров. Это был ОН! Человек из ее долгих ночных кошмаров. Тот самый, которого она мечтала истребить, а теперь мечтают устранить несогласные. Причем ее руками!

— Здравствуй, Саша, — тихо произнес ОН. — Поговорим?

Она кивнула.

— Только диктофон выключи. Я не они. Шантажировать тебя не стану.

— Откуда вы знаете?

Она опасно прищурилась. Не слишком ли много людей за ней наблюдают? Что за слежка открыта за ее личным пространством?

— Извини, но мне приходится за тобой наблюдать, — нехотя признался человек из ее кошмаров.

• *Конец игры с продолжением* •

— Почему?

— Потому что я... — Он помолчал, явно ища альтернативу слову «виновен», но сказал иначе: — Я несу ответственность за тебя, за твою поломанную жизнь. И немного приглядываю, чтобы ты не наделала ошибок. Такой ответ тебя устроит?

— Вполне, — буркнула она и выключила диктофон.

— Где можно поговорить?

— Идемте на улицу.

Они вышли из здания и медленно пошли по выщербленному асфальту в сторону открытой спортплощадки. Сейчас она была пуста. Время близилось к обеду. Ребята слонялись возле столовой.

Они сели на низкую деревянную скамейку. Саша покосилась на него и решила, что за минувший год в нем мало что изменилось. Он так же крепок и подтянут. И...

И красив, как олимпийский бог. Темные жесткие волосы, наверное, кудрявые, но понять сложно, слишком коротко подстрижены. Черные ресницы, удивительной синевы глаза. Высокие скулы и властный рот. И нос соответствует. Форма кистей, ноги, плечи — все совершенно. Когда она начала собирать о нем информацию, следить, часто удивлялась выбору его профессии и тому, что у него почти нет личной жизни. Он не был равнодушен к женщинам, нет. Но и не перебирал их беспорядочно.

А потом в его жизни случилась эта Ирина, которая родила ему ребенка и умерла. Потом его личная жизнь и вовсе затухла.

Ну да, да, она даже сейчас все равно собирала о нем информацию, хотя обещала психологу

и самой себе прекратить. Делала это скорее по привычке, чем из каких-то опасных побуждений типа мести.

Нет, сначала она все забросила. Возобновила уже потом, после авиакатастрофы, о которой так много и часто писали. Его имя полоскали тоже, и она сочла своим долгом возобновить наблюдение. Тихо. Осторожно. Без нажима. Так, чтобы не пересечься со Шныровым и его командой. Но они все равно ее нашли.

— Что они от тебя хотят, Саша? — спросил он, не повернув в ее сторону головы.

— Сначала это была информация. Они хотели все знать о ваших привычках, образе жизни и тому подобное.

— Ты их снабдила сведениями?

— Не всеми. — Она кротко улыбнулась. — О местах, где у вас проходят свидания, умолчала. Про озеро сказала, где вы часами можете сидеть не двигаясь. Про любимый ресторан, кафе, кинотеатр.

— Я забыл, когда там был в последний раз, — ухмыльнулся он невесело.

— Три года назад на премьере одной заграничной мурни. Вы были с другом. Кажется, его фамилия Артамошин.

— Есть такой... Это все? Все, что ты им сообщила?

— Да.

— Но им оказалось мало. И они решили методом шантажа склонить тебя... — Он повернулся к ней всем корпусом. — К чему, Саша? К чему они тебя принуждают? Что было в том конверте, который Шныров привез тебе?

• *Конец игры с продолжением* •

— Откуда вы знаете?

Она почувствовала, что краснеет, и отвернула лицо.

— Скажем, у меня в подчинении есть люди, которым я поручил за тобой присматривать. И они видели, как Шныров входит к тебе с этим конвертом, а выходит без него. Значит, то, что в нем было, предназначалось тебе. И это что-то гадкое, потому что после их визита ты была на себя не похожа. Пробежала четыре лишних круга. С ускорением, — уточнил он. — Что было в конверте? Чем он тебя шантажирует?

— Ничего особенного. Невинная шалость. — Она покусала губы и уставилась на носы потрепанных кроссовок. — На снимках я целуюсь с одним из воспитанников детского лагеря. Из старшей группы.

— Черт! — едва слышно выругался он.

— Там не было ничего такого. Он сам ко мне пристал. Они с друзьями выпили и поспорили. Это уже потом выяснилось, но...

Она умолкла, зная, что он все поймет как надо. Он был очень умным и соображал стремительнее остальных людей, которых она знала.

— Но по снимкам этого не скажешь. И при желании тебя можно привлечь за соращение несовершеннолетнего. Тогда последует не только увольнение, но и, возможно, судебное разбирательство, если родители вдруг этого затребуют. А родители затребуют, так?

Ну вот, она так и думала. Он все понял как надо.

— Так... Они его сюда отправили на исправление. Помогли лагерю деньгами. А тут такое... Но я клянусь, что он сам! Я бы никогда! И на этих

снимках нет того, как я после противного поцелуя бью его под дых.

Ей вдруг стало так стыдно и обидно, что подступили слезы. Пять лет не плакала, а тут готова была зареветь. От обиды на всех и на дрянную ситуацию.

— Я понял. Я услышал тебя, Саша. Не стоит так переживать. — Его пальцы поймали ее ладонь, легонько сжали. — И я благодарен тебе за откровенность. Это очень хорошо, что ты не соврала мне. Значит, я могу...

— Что?

Она не убрала руки, не отдернула. Было странно надежно рядом с ним. С тем, кого она должна была по-прежнему ненавидеть.

— Значит, могу тебе доверять. В общем, как мы поступим...

Десять минут инструктажа. Потом он встал и шагнул от деревянной скамейки. Они обменялись взглядами.

— Ты все поняла, Саша?

— Да. Поняла.

— До связи, Саша. Я должен быть в курсе всего, что с тобой происходит. Что они от тебя хотят и что ты им отвечаешь.

— Поняла, — коротко кивнула она.

Саша вдруг подалась вперед и негромко окликнула, когда он уже почти ушел со спортивной площадки.

— Что? — обернулся он.

— О чем вы часами думали, сидя у озера? Почти не моргая... О чем были ваши мысли?

— О нем... О Ваньке... О том, какой могла быть его жизнь, которую я оборвал...

ШАБА 4

Она встала из-за стола и прошлась по кабинету, который, конечно же, мог быть чуть шире и длиннее. Но что предоставили, то предоставили. И на том спасибо. Зато у нее теперь отдельное рабочее место. За дверью! И ее она могла запереть на ключ, оставить без опасения телефон либо кошелек на столе. А так же пошущукаться без опасения быть подслушанной.

Словно услышав ее мысли, мобильный на столе принял сообщение:

«Можешь говорить?»

«Да», — ответила она тут же.

И телефон зазвонил.

— Доброе утро, Оленька, — прожурчал в ухо приторный голос Ивана Семеновича. — Как тебе новое рабочее место?

— Удивительно! Как это у вас все... — Она загнулась, поняла, что забыла поблагодарить, и поспешно выдохнула: — Спасибо! Огромное спасибо! Не знаю, как и что я могу для вас сделать!

— Ничего не надо, дорогая моя.

Шныров настойчиво всем им «тыкал», невзирая на возраст и статус. Старикам Власовым тоже, хотя Глеб Владимирович был отставным воякой и демобилизовался, кажется, в чине полковника. Они с женой являли прекрасный пример правильной интеллигентной семьи, без вредных привычек и тайных пороков. И в возрасте были уже.

Шнырова это не останавливало. Он им настойчиво «тыкал». Было заметно, что Власовых иногда

коробит его панибратство, но они терпеливо молчали, скорбно поджимая губы.

А Шныров словно и не замечал. Или считал, что за ту помощь, которую он им предоставил, может с пинка дверь в их дом открывать.

Таким он был...

Ольга поискала в памяти нужное слово из литературы и нашла, что «бесцеремонный» подходит как нельзя лучше.

— Как коллеги отнеслись к твоему новому назначению? — снова сладким жалом проник в ухо его голос. — Порадовались? Позавидовали?

— Даже не знаю, что сказать.

Ольга на минуту задумалась, пытаясь вспомнить сегодняшнее утро.

Началось оно как всегда. Все сотрудники, за исключением руководства, вошли в библиотеку, разошлись по своим рабочим местам, успев обменяться дежурными любезностями. А потом неожиданно среди столов в читальном зале появилась заведующая и собрала их всех. Объявила, что в штатном расписании их библиотеки появилась должность с новыми функциями. И назначается на нее она — Ольга Витальевна Авдеева. Послышались жидкие аплодисменты. Поздравления. И ее — опешившую от неожиданности — повели на новое рабочее место.

— Вот ваш кабинет, Ольга Витальевна, — скупко улыбаясь, проговорила заведующая библиотекой.

И добавила с намеком на ехидство:

— Надеюсь, следующее ваше назначение не сместит меня?

И ушла, плотно прикрыв за собой дверь.

Ольга огляделась.

• *Конец игры с продолжением* •

Небольшой кабинет, совсем небольшой. Но недавно отремонтированный и обставленный по последним требованиям. Напичкан электронными гаджетами. В углу у двери с одной стороны узкий одежный шкаф, с другой — маленькое уютное кресло перед треугольным журнальным столиком, на котором чайник и набор посуды для чаепития. Аккуратный рабочий стол с компьютером и двумя мониторами. С одного велось наблюдение за всей библиотекой. Это она уже потом обнаружила и не поняла — для чего.

— Оля, ты еще здесь? — отвлек ее от мыслей Шныров.

— Да, да, извините. Задумалась. — Она мелодично рассмеялась. — Если честно, до сих пор не разобралась в своих должностных обязанностях. Монитор... Тот самый, на который ведется трансляция...

— Это монитор слежения, Оля. Через него ты будешь видеть и знать все, что происходит в вашей библиотеке.

— То есть я должна следить? — севшим от изумления голосом произнесла она.

— Да. Ты должна следить за всем, что происходит. В библиотеке, — добавил он после непродолжительной паузы.

— Но зачем, боже мой?! У нас есть охрана и...

— В должностные обязанности охранников не входит то, что должна будешь делать ты. Они следят за порядком, а ты будешь следить за людьми. За некоторыми людьми. Не за всеми.

— Господи! — с ужасом выдохнула она. — Я... Я ничего не понимаю. Но точно знаю, подполковник Степанов не посещает нашу библиотеку! Он вооб-

ще не ходит в библиотеки, насколько нам с вами известно. И мало где бывает. Он не был публичным человеком раньше, а теперь вообще...

Шныров помолчал, а потом со вздохом произнес:

— Степанов тут ни при чем.

— А кто при чем? Кто, Иван Семенович?

— Все потом. Не сегодня. Инструкции получишь позже. — Шныров утробно хохотнул. — А сегодня наслаждайся новым назначением. Угости коллег в связи с этим. Тортик там купи или бутылку шампанского. На твое усмотрение.

Он коротко простился. А Ольге вдруг сделалось невыносимо страшно. Она неожиданно почувствовала себя втянутой в какую-то сложную опасную игру, условия которой были ей озвучены неправильно. С искажением.

Зачем?! Вот зачем она позволила себе эту неожиданную блажь — заделаться мстительницей? Неужели лишь затем, чтобы никто не усомнился в искренности ее скорби по погибшему отчиму, чью квартиру она унаследовала? Но это же глупость несусветная! Все знали, что она искренне любила отца, хотя он и не был ей родным. Он воспитывал ее с пеленок, называл дочкой, а она его — папой. Никто из соседей и новых знакомых в этом городе не знал о том, что они не состоят в кровном родстве.

Так зачем ей надо было лезть на баррикады? Орать и плакать на камеры, возмущаться, принимать участие в бесконечных пресс-конференциях и ток-шоу? Чтобы поверили? Чтобы заработать?

Ох...

Ольга подошла к маленькому креслу в углу и опустилась в него без сил. Дотянулась до чай-

• *Конец игры с продолжением* •

ной пары из белого фарфора, погладила гладкий бок чашки. Попыталась вспомнить, как и с чего все началось.

Да, поняла она минуту спустя, все начиналось с искренней скорби, горя, опустошения и страха. А уже потом переросло в странную гонку. За ними гнались любители сенсаций и рейтингов, предлагали деньги. Они поначалу уклонялись от встреч, торговались, потом соглашались.

Она вдруг одернула себя: нечего думать во множественном числе. Она должна думать только о себе. Мотивы остальных ей были неведомы.

Как только, через месяц приблизительно, интерес к катастрофе поутих и на смену этой жуткой трагедии пришли другие новости, о них забыли. О ней, снова одернула она себя.

И вот тут появился Шныров.

Он собрал их вместе. Всех, кто остался несогласным с заключением экспертной комиссии и долго отсвечивал на телеэкранах. Собрал и торжественно сообщил, что знает имя виновного. Они не просто должны, а обязаны призвать его к ответу. Если не выйдет сделать это по закону, они в обход.

Оля сейчас смутно помнила их первую встречу. Как они все вместе плакали, клялись, о чем-то долго и проникновенно говорили. Встреча была спонтанной, эмоциональной. И почти ничего не запомнилось. Разве могла она предположить, что после все пойдет так далеко?

Она рассеянно заглянула в чайник и обнаружила, что тот полон воды. И шнур от него, исчезающий под журнальным столиком, в розетке. Она щелкнула кнопкой и пошла к своему рабочему

столу. В верхнем ящике было все для работы: бумага, канцелярские принадлежности. Во втором какие-то папки, брошюры, инструкции. В третьем, самом нижнем, лежали пачки чая, сахара, банка растворимого кофе, комплект чайных ложечек.

— Как предусмотрительно, — прошептала она.

Оля достала чай и пошла к чайнику, который успел вскипеть и отключиться.

Она заварила один пакетик, методично окуная его в чашку. Дождалась, когда вода окрасится, выбросила пакетик в маленькую мусорную корзинку, обнаружившуюся под столиком. Отпила глоток, задумалась.

Кого хочет выслеживать Шныров ее глазами? Кто может его заинтересовать из постоянных посетителей библиотеки? Понять самостоятельно она не могла. Это нереально. Их библиотека была одной из центральных и самых посещаемых, с богатым книжным фондом. Угадать, кто из сотен посетителей интересуется лично Шнырова, не представлялось возможным. Оставалось ждать инструкций и фамилии, которую он назовет. И только тогда уже можно сделать вывод: имеет ли этот человек отношение к их общему горю или нет? Что, если Шныров, вовлекая их в сообщество, заранее знал, как потом станет их всех использовать? В своих личных целях, не имеющих никакого отношения к катастрофе.

Отказаться! Она должна отказаться! И от участия во всем этом, и от должности вместе с кабинетом и новой зарплатой.

Ольга с грохотом поставила чашку на стол. Подошла к столу и взяла в руки телефон. Шныров ответил мгновенно.

• *Конец игры с продолжением* •

— Я не хочу больше принимать участие во всем этом, — произнесла она скороговоркой.

— Объяснись, Оленька, — опасно ласковым голосом потребовал, а не попросил Шныров.

— Я не хочу никакой мести, новой должности и обязанностей со слезкой за кем-то из ваших... — Она подумала и четко определила: — Врагов.

— Хм-м, — отозвался он со странной радостью. — Другими словами, ты хочешь соскочить? Как мелкая жалкая крыса, сбежать с корабля, который не тонет, а только-только вышел из гавани. Я правильно тебя понял?

— Приблизительно.

— И тебя совершенно не заботит тот факт, что именно ты уговаривала нашу спортсменку совершить акт возмездия? Ты предлагала ей выбрать метод и оружие, которым та решится осуществить нашу общую месть? Ты, Оля. Только ты...

Первые его слова повергли ее в шок. Новый кабинет сузился до размеров тюремной камеры-одиночки. Оля, тьфу-тьфу, никогда в такой не бывала, но, наверное, она именно такая: с провисшим над головой потолком, стенами, касающимися плеч, с таким спертым воздухом, что дышать им совершенно невозможно.

Она прикрыла глаза и, отодвинув телефон подальше, принялась глубоко дышать. Глубокий вдох, задержка дыхания и протяжный выдох. Так несколько раз. Этому ее учил отчим в детстве, когда ее настигали приступы паники. Всегда помогало. Помогло и сейчас.

— Иван Семенович, вы ведь умный человек, — медленно начала она, тщательно выговаривая ка-

ждое слово. — Вы понимаете, да, что вся наша за-
тея не более чем игра. Саша никогда не согласится
на то, на что вы ее подбиваете.

— Я?! — возмущенно взвизгнул он. — Не ты,
Ольга, а я?!

— Вы, конечно. Лично я давно уже смирилась
с потерей. И продолжаю жить дальше. А вы...

Она умолкла на мгновение, ожидая его даль-
нейших возмущений. Но Шныров подозрительно
был тих.

— А вы все никак не угомонитесь. Продолжаете
нагнетать. Хотя и...

Дальше следовала опасная тема. Надо быть
осторожной.

— Что ты замолчала, продолжай, — потребовал
Шныров.

— Хотя не секрет, что ваши отношения с женой
и ее сестрой, которые погибли в катастрофе, зашли
в тупик. И если бы они остались живы, то... — Она
снова умолкла и коротко трижды вздохнула. — То
вы оказались бы на улице, Иван Семенович.

— Ух ты! — весело перебил он. — Зачет, Оля!
Зачет! Я в тебе не ошибся. Ладно, давай не будем
ссориться. Считай, что я не давал тебе никаких
поручений. Просто работай в новой должности,
и все. Хорошо работай.

— И я больше не стану принимать участие в ва-
ших собраниях, — поспешила добавить она. — Уч-
тите это.

— Учел, Оля, учел...

Шныров простился вполне дружелюбно. Еще
раз посоветовал угостить коллег в связи с новым
назначением и напросился на прогулку, клятвенно

• *Конец игры с продолжением* •

заверив, что прежней темы не поднимет ни словом. Встреча будет просто дружеской, не более.

— Я привык к вам ко всем, — пояснил он со вздохом и отключился.

Оля долго стояла с телефоном в руках и все думала.

Не верить ему она не могла. Он ни разу за минувший год их не обманул. Всегда был честен, предельно, прямолинейно честен. С Сашей да, была другая история. К ней он применял не вполне чистоплотные методы. Но с ними...

Кстати, а что с Власовыми? Как обстоят дела с ними?

Пролистав телефонную книгу, она нашла номер телефона Инги Сергеевны и нажала на вызов.

ШАБА 5

— Глебушка, скушай этот бутербродик, пожалуйста.

Инга Сергеевна двигала по столу в его сторону маленькое блюдце, на котором лежал ломоть цельнозернового хлеба, намазанный козьим сыром и обильно посыпанный зеленью. Он раздраженно покосился на супругу.

Что за человек его жена, а? Знает прекрасно, что у него непереносимость лактозы, он ненавидит сыры вообще, а козий особенно. И непременно каждое утро делает ему бутерброды именно с сыром, причем с козьим. К тому же зелень, которую она обильно крошит поверх сыра, обязательно забьется под коронки. Он будет потом мучиться и без

конца полоскать рот, пытаюсь избавиться от укропа и петрушки.

Она и об этом знала. Но каждое утро повторяла этот ритуал, ставший отвратительным напоминанием того, что жена его ненавидит.

— Инга... — Глеб Владимирович задумчиво смотрел на маленькое блюдце с ломтем хлеба. — Зачем ты это делаешь?

— Что, дорогой?

На него глянули настороженные глаза супруги, с которой он прожил почти сорок лет. Глаза, которые он перестал узнавать. Вернее, выражение этих глаз.

— Зачем ты каждое утро подсовываешь мне эти бутерброды, прекрасно зная, что я их ненавижу! — повысил он голос на жену.

— Ненавидишь?

Она словно удивилась. Подвигала туда-сюда блюдце с хлебом. Пробормотала:

— Странно... Ты же всегда любил именно этот хлеб. Именно этот сыр. С зеленью.

— Это не я любил все это.

Глеб Владимирович нервно дернул шеей, словно ему, как и прежде, на кадык давил узел галстука. Но галстуков он больше не носил. Сейчас сидел за завтраком в тренировочных штанах и простой хлопчатобумажной футболке. Отчего же ощущение удушья не проходило? Может, оттого, что он больше не мог выносить общество своей супруги? Или оттого, что общее горе их не сблизило, а раскидало в разные стороны, как щепки в шторм?

Спасибо Шнырову, немного помог удержаться на плаву, сохранить видимость семьи. Иначе...

• *Конец игры с продолжением* •

— А кто? Кто это любил?

Жена взяла блюдо, поднесла к лицу и принялась рассматривать хлеб с сыром со всех сторон. Взгляд ее показался Глебу Владимировичу безумным.

— Это любил наш сын. И тебе об этом прекрасно известно. Хватит валять дурака!

Он снова повысил на нее голос и теперь не без тайного удовлетворения наблюдал, как расплзается по ее лицу бледность, стекленеет взгляд.

— Да. Игнат эту еду очень любил, — медленно выговорила она. — А еще он любил...

— Мужчин! — выпалил он, отчетливо скрипнув зубами. — Он любил мужчин, дорогая!

— Да, возможно... И ты ему этого не простил.

— А должен был?! — взревел Глеб Владимирович. — Я — боевой офицер! А мой сын...

— Человек. Твой сын человек, — перебила она его звенящим на высокой ноте голосом. — Он был обычным человеком. Со своими слабостями и тайнами. А ты...

— А я — боевой офицер, орденосец — не простил его! Не простил пороков! И что теперь, ты меня за это будешь вечно глотать?!

Он смотрел на жену с ненавистью. Он много раз так смотрел на нее прежде. Когда случайно обнаружил фотографии, на которых его сын обнимается и целуется с парнем. Когда понял, что его сын не такой, как он. Не такой, как многие другие. Он почти обезумел тогда. Избил Игната. Сильно избил. Тот ушел из дома. И тогда он переключил всю силу своей ненависти на Ингу. Даже принялся ее слегка поколачивать. Не до синяков, нет. Но достаточно болезненно. Он это умел.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не катастрофа, в которой Игнат погиб. Страшно признаваться самому себе, но Глеб Владимирович испытал что-то сродни облегчению. Словно давно и безнадежно больной человек наконец-то обрел покой, покинув этот мир и освободив их всех.

Инга об этом догадывалась и в первые месяцы почти с ним не разговаривала. Если бы не Шныров, они бы точно разъехались.

— Вам нельзя этого делать, дорогие мои, — увещевал он, сидя в их доме за чаем. — О тайне Игната не знает никто. Если вы станете вести себя неразумно, найдутся желающие эту правду достать. Вываляют его имя в грязи, а заодно и ваши...

Он помог им не сойти с ума: ей от горя, ему от отвращения к себе.

— Инга. — Глеб Владимирович потянулся к ее руке. — Давай все оставим как есть. Прошел год. Надо смириться. Все мы смертны. Все уйдем. Просто по-разному.

Она словно его не слышала, в упор глядя на блюдце с бутербродом. Потом осторожно поставила его на стол, разгладила на столе скатерть и глянула на мужа с загадочной улыбкой.

— Глебушка, а ты знаешь, за что я тебя особенно ненавижу? — неожиданно задала она вопрос, который он счел весьма странным.

Ее ненависть никогда не озвучивалась прежде и не обсуждалась. Она ненавидела его всей душой, но тихо, молча, про себя.

Впервые! Она заговорила об этом впервые.

— За что? — буркнул он, поняв, что без его вопроса она не продолжит.

• *Конец игры с продолжением* •

— За то, что ты убил нашего Игната. Ты! Ни за что. Просто из-за дурацких подозрений. И это еще не все...

Инга Сергеевна медленно поднялась из-за стола и тяжелой походкой двинулась к буфету. Она выдвинула средний ящик, порылась, достала что-то и пошла обратно к столу.

Это была фотография. Она осторожно положила ее перед ним на стол. Он дотянулся до очков, которые всегда лежали слева от него. Надел их. Поднес фотографию ближе к глазам. И тут же уронил ее обратно. Произнес со стоном:

— Этого не может быть!

— Может, Глебушка, может. На этой фотографии наш сын со своей девушкой, которая до сих пор его оплакивает. Они собирались пожениться и нарожать нам внуков. Но ты... Ты, не разобравшись, избил его. Выгнал из дома...

— Он сам ушел. — Глеб Владимирович стащил очки с переносицы и впился щепотью пальцев в левый висок. — Я не выгонял его!

— Но страшно обрадовался, когда его не стало. Ты даже не скрывал этого. И за это я тебя особенно ненавижу, Глебушка. Что такого страшного произошло, раз ты так с ним обошелся? Ты думал, он спит с мужчинами? И что с того? Он был жив! А теперь... — Она закачалась на стуле, с каждой минутой все сильнее и сильнее, того и гляди свалится на пол. — А теперь его нет, и ты радуешься. Радуешься, что избавился от изгоя! За это я тебя тоже ненавижу. И за то, что ты сделал ошибочные выводы. И за то, что... Умри, Глебушка! Сделай милость, умри раньше меня!

— Тебя это сделает счастливее? — Он так глубоко оскорбился, что не нашел в себе сил дать ей пощечину. — Если я умру раньше тебя? Для чего тебе моя смерть?

— Хочу ходить на твою могилку, Глебушка. — Она с улыбкой прикрыла глаза и добавила: — Хочу плевать на нее...

Все время до обеда они тщательно избегали друг друга. Глеб Владимирович ушел в сад и провозился с малиной пару часов. Чем занималась его супруга, он не знал. Ему было неинтересно. Противно даже думать о ней.

Как же скверно...

Как же скверно она с ним поступила! Узнала что-то новое, хорошее об Игнате и не рассказала ему. Предпочла, чтобы он жил с мучительным ощущением в сердце, что он не отец, а мерзавец. Он неправильный, несовременный, закостеневший вояка. А он ведь так и жил весь минувший год — презирая себя.

А она...

Нет, такое спускать было нельзя. Ее следовало наказать. Прямо сейчас.

Глеб Владимирович убрал в сарай, пристроенный к гаражу, садовые инструменты. Вымыл руки под пластиковым старомодным ручкомойником. Вытер их бумажным полотенцем. Обошел территорию их участка по периметру. Как часовой!

Никаких посторонних слушателей или зрителей. Соседи в отъезде. Значит, ори Инга, не ори, ее никто не услышит. А орать она непременно будет, потому что он ей хорошенько наподдаст. Зарвалась женщина! Смерти ему желает!

• *Конец игры с продолжением* •

Он подошел к воротам, проверил — закрыты — и пошел к дому. В просторном холле снял обувь, причесался перед зеркалом. Счел себя решительным и мужественным. Это ему как раз требовалось. И осторожно, стараясь не скрипеть старыми половицами, двинулся в сторону гостиной. Оттуда доносился голос Инги. Та с кем-то разговаривала по телефону.

Глеб Владимирович услышал, как супруга тепло простилась с собеседником или собеседницей. Шагнув вперед, он снова услышал голос жены:

— Алло, Игнаша, это мама. Здравствуй, дорогой, здравствуй...

Глеб Владимирович онемел. От ледяного пота мгновенно взмокла рубашка на спине.

Его жена сошла с ума?! У нее деменция?! Или еще какая-то старческая болезнь, названия которой он не знает. Как он мог проглядеть! Старый дурак! Женщина рядом с ним погибает, страдает, а он акты возмездия планирует.

Что делать? Что делать? Выскочить из-за двери, застать ее врасплох? Заставить ее признать, что она больна? Обратиться к докторам, которых Инга всю жизнь ненавидела? Что делать?

Он вдруг почувствовал страшную слабость в ногах. Стараясь не производить шума, он добрал до маленькой банкетки в углу узкого коридора перед гостиной и осторожно присел на нее.

— Милый, милый мой мальчик, я очень люблю тебя. И все приму, понимаешь?.. Да, да, я с ней говорила. Но она не призналась мне... Да, хорошо. Хорошо, никому не скажу. Никогда! Игнаша, береги себя. Хорошо. Нет, ему я тоже ничего не ска-

жу. Особенно ему. Я не считаю его больше твоим отцом. Хорошо, мой родной... Да, непременно... Ты только не пропадай. Сообщи мне, как будешь готов встретиться.

Через мгновение голос жены стих. Легкие шаги к двери. Она выглянула из гостиной.

— Глебушка... — сладко улыбнулась она ему и игриво погрозила пальцем. — Ты чего здесь? Подслушиваешь?

— Нет. Я только подошел. Сердце прихватило, — соврал он ей, не собираясь признаваться, что слышал ее безумный лепет. — Ты с кем-то говорила по телефону?

— Да, говорила. С Оленькой. Она позвонила мне и наговорила всего... — ожидаемо соврала жена.

— Чего — всего? — Он с такой силой стиснул челюсти, что заныло за ушами.

— Что-то про новое назначение, которое ей устроил Иван Семенович. Про новый кабинет и новые задачи. — Жена рассеянно посмотрела вокруг себя. — Где-то здесь я оставляла свой зонтик.

— Зонтик?

Он изумленно глянул в узкое окно. Небо голубое. Ни единого облака.

— Зачем тебе зонтик?

— Передавали дождь. — Она жалко улыбнулась и развела руками. — Хотела дойти до магазина за продуктами.

— Мне идти?

— Нет, нет, что ты! — заторопилась она, шаря на полках высокого стеллажа в узком коридоре. — Ты устал. Я видела, как ты трудился. Я сама. То, что я собираюсь купить, не тяжелое.

• *Конец игры с продолжением* •

Он хотел съязвить что-нибудь насчет козьего сыра, но сдержался. Инга не в себе. У нее все признаки начинающейся деменции, и ему следует быть с ней предельно вежливым и осторожным в подборе слов. Это может вызвать приступ агрессии. Он об этом много читал, заподозрив это заболевание у себя.

И промолчал.

Инга нашла зонтик и направилась к выходу. Там подхватила с пола сумку-корзинку, бросила в нее зонтик и через минуту вышла из дома. Глеб Владимирович проследил за тем, как она торопливо идет по дорожке до ворот и скрывается за ними. Лишь тогда поспешил в свой кабинет, к компьютеру.

Ему срочно надо затребовать детализацию звонков с ее телефона. Хвала небесам, несколько лет назад он догадался оформить ее сим-карту на себя. С проверкой ее звонков проблем не будет. Ему требовалось подтверждение ее безумия для того, чтобы...

Он неожиданно замер и задумался. А зачем ему это? Ну, он сейчас увидит, что никаких звонков она не совершала, а говорила с мертвым сыном по молчащему телефону, и что дальше? Обратится в психлечебницу? С какой целью?

Он почувствовал, что едва дышит и от волнения страшно потеет. Те самые смелые мечты, предаваться которым он прежде не смел, стесняясь, вдруг обрели вполне четкие очертания.

Ольга... Оля, Оленька...

Она понравилась ему с первого взгляда. Едва они познакомились, он понял, что всегда мечтал о такой женщине, как она, а не о той, которая ему досталась.

Лалина РОМАНОВА

Когда-то Инга была интеллигентна и умна. Следила за своей внешностью, даже когда они жили в гарнизонах, буквально оторванных от цивилизации. Но стоило им осесть в Москве, как все поменялось. Она словно дошла до определенной черты, добралась до финиша и сдулась. Сразу прибавила в весе. Отпустила волосы, перестав их стричь красиво и стильно и убирая в тугий пучок, старивший ее невероятно. А когда случилось несчастье с Игнатом, Инга и вовсе умерла как женщина.

Ольга... Оля, Оленька...

Как она отнесется к тому, что он пригласит ее как-нибудь поужинать? Завуалирует свидание под деловую встречу, позовет в ресторан и проведет пару незабываемых часов в ее обществе.

Возможно такое? Да, возможно. Но только лишь в том случае, если Инги не будет с ним рядом. Если она окажется в больнице. И он тогда будет достоин двойного сочувствия со стороны прекрасной женщины. Да. Так он и сделает.

Компьютер принял письмо на электронную почту. Глеб Владимирович нацепил на переносицу очки, открыл письмо от мобильного оператора и погрузился в изучение звонков, совершенных его женой за минувшую неделю и сегодняшний день.

ШАБА 6

— Вы не можете меня уволить!

Саша изо всех сил старалась сдерживаться, ей даже пришлось прикусить нижнюю губу, чтобы та

• *Конец игры с продолжением* •

судорожно не дрожала. Но получалось на троечку. Губы дрожали и дергались.

— Вы! Не можете! Меня! Уволить!

Наклонившись над столом начальника лагеря, она сверлила его высокий лоб гневным взглядом, и врезать ему между глаз хотелось все острее. Почему он ничего ей не объясняет? Почему счел, что одной формулировки — несоответствие занимаемой должности — ей будет достаточно?

— Мне нужна эта работа, понимаете?! Нужна!

— Александра... — медленно проговорил он, затягивая гласные. — Сядь на место.

Она вернулась на мягкий стул возле окна. Села, подоткнув ладони под бедра, чтобы они тоже не тряслись и не выдавали ее бешенства.

— И послушай меня...

Начальник лагеря, когда-то работавший в полиции, выбрался из-за стола и заходил туда-сюда вдоль него. Ему было тесно там. Кресло с высокой спинкой мешало, длинный стеллаж с вымпелами. Но он почему-то не выходил на середину кабинета. Словно боялся нападения с ее стороны.

Но она же не совсем больная! Не станет бить в его же кабинете. И вообще не станет бить. Даже в темном переулке темной ночью. Окажется первой подозреваемой и тогда точно срок схлопочет.

— Я слушаю, слушаю, — буркнула она, когда он остановился и требовательно уставился на нее.

— Причина твоего увольнения не в том, что ты не справляешься со своими обязанностями. Лучшего инструктора у нас не было, нет и не будет. И даже не в том дело, что мне показали фотогра-

фии, на которых ты якобы занимаешься растлением несовершеннолетнего.

Она мысленно ахнула и сжалась. Ладони вспотели. В горле стало сухо.

Шныров! Шныров — сволочь мерзкая, подсуетился. Он сразу сказал ей, что станет гадить, когда она отказалась ввязываться в их игру. После визита Егора она отказалась и попросила Шнырова больше никогда к ней не приезжать.

Вот вам и «ответочка». Не заставила долго ждать. Старая сволочь!

— Я знаю, что парни поспорили. В курсе инцидента. — Начальник лагеря потер пятерней затылок. — Я вообще в курсе всего, что происходит на моей территории, если что... И я на всю эту ерунду почти не обратил внимания. Забавляется мажор, и ладно. Но!..

Саша смотрела на мужчину исподлобья.

Какие же все они...

Скользкие, неправильные, подлые.

Знал и не сказал. Не наказал сыночка богатых родителей, который решил потешиться над молодым спортивным инструктором.

— Но дело приобрело нежелательную огласку. Ко мне неожиданно является некий гражданин Шныров и требует тебя уволить, иначе он...

Начальник лагеря паузу затянул, и ей пришлось спросить:

— Иначе он — что?

— Все расскажет родителям этого юного засранца. И тебе не избежать уголовного преследования. А этого я никак не могу допустить, Александра. Дело не только в тебе, но еще и в репутации